

НАТАЛИЯ ТЕНЖЕ

МОЯ

ИМПЕРИЯ

МЕНЯ БЕРЕЖЕТ

18+

Наталия Тенже

Моя Империя меня бережет

«Автор»

2026

Тенже Н.

Моя Империя меня бережет / Н. Тенже — «Автор», 2026

Ксенобиолог Альбина Склодовская уходит в отпуск и соглашается присмотреть за питомцем своего двоюродного брата Тимура Шереметьева. Ей приходится переехать в дом, где проживают служащие Морского Корпуса — люди и тельхины, подводные колдуны, служащие на благо Российской Империи в войне против телепатов. Сосед Тимура, Марлин, кажется Альбине странно знакомым и она начинает интересоваться его жизнью, несмотря на предупреждение — у Марлина скоро закончится контракт, и он вернется к себе домой. Это история о взаимной симпатии двух одиночек, и, одновременно, первая история об альтернативной Российской Империи, в которой не было революции 1917-го года, а при императоре Александре был обнаружен тоннель, соединяющий Землю с сопредельными мирами. Будет немного горечи и потерь, капелька фарса и неизбежный счастливый финал для главной героини.

© Тенже Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталия Тенже

Моя Империя меня бережет

Пролог

Черный автомобиль с эмблемой Морского Корпуса миновал западные ворота учебного комплекса — ветви изгороди, натасканной на обнаружение телепатов, настороженно шевельнулись и тут же поникли. Младший унтер-офицер проследил за спрятанным в «бардачок» электронным пропуском и нажал на кнопку, замыкая ограду. Машина свернула направо, некоторое время ползла под кронами пиний, встряхиваясь на ухабах дороги, давно требовавшей ремонта, и съехала на стоянку на берегу моря. Погасли фары, хлопнула водительская дверь. Высокий мужчина в сизой военной форме пошел вперед, к огромной мраморной лестнице, темному небу и нервно шипящему морю. Он спустился по изъеденным солью ступеням — в шторма лестницу заливало до самой стоянки — щелчком сшиб с перил мерцающего светлячка и достиг полосы пляжа. Тяжелые ботинки разбрасывали белесый песок, оставляли осыпавшиеся ямки-следы, безжалостно крошили ракушки и высохшие панцири мелких крабов.

Когда песок повлажнел, а следы стали четче, мужчина остановился и начал раздеваться. Вещи остались на берегу неопрятной кучей, без опаски, что их кто-то украдет — здесь, на охраняемой территории, не было ни случайных прохожих, ни любопытствующих, ни воров. Пляж и лестница располагались далеко от основных строений — только звездное небо, бескрайнее море и песок с отпечатками босых ног.

Мужчина вошел в воду по пояс, резко выдохнул воздух и подался вперед, позволил телу измениться. Массивные янтарные браслеты, окольцовывающие запястья, замерцали, в медовой толще начали двигаться серебристые вкрапления. Руки совершили энергичный гребок, толстый чешуйчатый хвост гулко ударил по волнам, подгоняя, заставляя нырнуть и воссоединиться с родной стихией.

В море вошел тот, кого не разобравшись, можно было назвать человеком: на суше люди и тельхины ничем не отличались — две руки, две ноги. Но стремительно двигавшееся в воде существо перепутать с человеком было невозможно. Кисти с плотными перепонками между пальцами, закованные в чешую бедра, вместо ног — гибкий хвост, заканчивающийся плавником.

Очередное движение разбудило доселе дремавшие браслеты, и вокруг тельхина появились спутники — огромные хищные рыбы с носами-копьями. Часть из них устремилась вперед на разведку, а два крупных экземпляра остались рядом, прикрывая бока хозяина. Надобности в охране и разведке не было — в теплом море Александрии, рядом с берегом, тельхину ничего не грозило. Но призванные создания всегда были настороже, в каких бы водах их не выпускали.

Тельхин и его верные спутники уходили вглубь морской толщи. Им не мешала темнота, они плыли, чувствуя направление — статуя Конса притягивала своих сыновей, как магнит стружку железа, звала трубным инфразвуком рога — этот зов не только служил маяком, но и отпугивал хищников и случайных людей.

Тельхин достиг дна и цели, поклонился статуе Конса. Бог и покровитель подводных обитателей стоял на обломке скалы, опираясь на массивный трезубец. Статуя, привезенная из его родного мира, и заботливо спущенная на дно чужого моря, обросла кораллами, пучками прилипчивых водорослей, колыхавшихся при малейшем движении воды. Тельхин взглянул в обсидиановые глаза своего бога, отвесил повторный поклон и спрятался в пещеру в скале, где его ждала лежанка из водорослей. На суше ему дважды снился обрывочный сон — как будто наставник пытался докричаться до него через миры и океаны — и сегодняшний отдых

он решил провести возле статуи бога, попросив его о вещем сне. Голос Конса лучше слышен на глубине, видение может настигнуть и в озерной дремоте под корягой, но рядом со статуей надежнее.

Расчет оказался верным. Он отключился как только закрыл глаза, и сразу оказался в столичном лазарете родного мира. Его сердце, бившееся равномерно, пропустило удар — наставник выглядел иссохшим, жизнь едва теплилась в изможденном теле. Тельхин подплыл к лежанке, присел на край, поднял ладонь, зашевелил пальцами и перепонками, задавая вопросы. И получал ответы, присматриваясь к слабым движениям рук наставника.

«Хорошо, что ты пришел».

«Я не сразу смог заснуть возле статуи, был на задании».

«Слушай внимательно. Твой контракт скоро заканчивается».

Тельхин кивнул, глядя на наставника.

«Тебе надо приложить все усилия, чтобы остаться у людей. После того, как земляне заморозили военный союз и сами пошли в атаку на телепатов, у нас готовятся новые законы. Всем, кто служил Российской Империи, позволят входить в воду только по особому разрешению. Их лишат янтаря, даже если это фамильные браслеты, дожидавшиеся хозяина в хранилище. Во всех бойцах есть капля земной крови. В ком-то больше, в ком-то меньше. Совет Старейшин объявит о вашем изгнании — те, кто воевали бок о бок с людьми и вкусили плодов цивилизации, не хотят влачить жалкое существование, вносят смуту. От вас избавятся. Обрекут на смерть в скитаниях между мирами. Не возвращайся. Земляне отберут у тебя выданный янтарь, а нового ты уже не получишь».

«Я не смогу остаться. Людям не нужны чужаки. У них достаточно своих полукровок».

«Приложи усилия», — повторил наставник. — «Очаруй какую-нибудь земную женщину, женись. Это даст тебе отсрочку. А если родится ребенок, сможешь жить у людей до его совершеннолетия. Ты хорош собой. Тельхины привлекательны для земных женщин. Используй это».

Спящий заворочался, шевельнул хвостом, заставив лежанку слабо заколыхаться.

«Ты мне не веришь».

В движении наставника крылась горечь давних ошибок.

«Это неудивительно. Вас — квартеронов и окторонов — было слишком мало. А Империя требовала свежих бойцов из-за острой фазы конфликта с телепатами. Я готовил тебя к чрезмерным физическим и эмоциональным нагрузкам. Научил убивать. И из-за давления со стороны Совета перегнул палку. Ты боялся меня больше, чем потенциального врага».

Тельхин пожал плечами — вспоминать времена подготовки ему не хотелось. Давний страх, отозвавшийся мимолетным холодком в животе, он перерос.

«А теперь ты перестал меня бояться. Как следствие — вычеркнул из списка авторитетов и не прислушиваешься к моим словам».

«Неправда!» — Тельхин разразился серией быстрых жестов. — «Я услышал твой зов. Это ли не доказательство?»

«Мало услышать и выслушать. Нужно сделать именно так, а не наоборот. Я прошу: не игнорируй предупреждение. Постарайся остаться у землян».

Наставник протянул руку. Тельхин наклонился к лежанке, позволил потрепать себя по макушке. Наклонился чуть сильнее, чтобы заметить движение перепонки перед лицом.

«Пообещай мне. Пообещай, что не вернешься на мои похороны, чтобы не попасть в ловушку. И останешься на земле».

«Я не уверен...»

«Пообещай».

«Обещаю», — после паузы ответил тельхин и проснулся.

Глава 1

— Он просыпается в пять утра, приходит в спальню из гостиной, из своего домика, и лезет под одеяло. Кусает за пятки, требует внимания. Надо встать, вышвырнуть его на кухню и закрыть обе двери — из кухни в коридор, и из коридора в комнату.

— А почему сразу не закрыть? Перед сном?

— Если перед сном закрыть, он в дверь царапается и воет, не затыкаясь. А в пять взвизгнет пару раз и тихо сидит на кухне. Иногда чайник с плиты сбрасывает, но я на это не реагирую.

Альбина посмотрела на насупленного сумчатого дьявола, на озабоченного Тимура и понимающе кивнула.

— Я встаю в половину восьмого. Насыпаю ему сухой корм и наливаю свежую воду. Если в половину восьмого не покормить...

— Царапается и воет, — догадалась Альбина.

— Да, — двоюродный брат приложил палец к виску, упорядочивая мысли, потом зачем-то указал на потолок и продолжил. — Днем приезжаю домой в обед, от половины второго до двух, кормлю его консервами и меняю воду. Вечером вывожу гулять во двор. Иногда на поводке, иногда он отказывается от поводка и выходит сам. Нужно следить, чтобы он не убежал в исследовательский центр через забор, очень трудно звать его обратно, там заброшенный фонтан под дубами, он любит копаться в чаше — листья шуршат, желуди перекатываются.

— Я буду выгуливать на поводке, — предупредила дьявола и Тимура Альбина.

— После прогулки я выгребаю у него из сумки всю добычу, которую он туда спрятал. Бывает, что он злится и кусается. Тебе, наверное, лучше это делать в перчатках. Потом я мою ему лапы, даю половину плоски сухого корма и меняю воду. Он ночью пьет. А еще через три дня надо распечатать ему новую игрушечную птичку. Они с запахом. У этой запах уже почти выветрился. С новой он будет играть... что?

Видимо, Альбина не удержала невозмутимое выражение лица.

— Ты как-то странно смотришь.

— Не ожидала такой пунктуальной заботы о животном. Да, ты говорил и писал, что подобрал дьяволенка, но потом тема сошла на «нет», ни упоминаний, ни фотографий... я думала — отпустил или он сбежал по весне.

— Он никуда не бежит. Дальше фонтана не уходит, — Тимур опустил в кресло. — А о чем писать? Зачем фотографии? Я это не люблю. Что до пунктуальности... я привык к новому месту службы, к кабинету, к жесткому расписанию. Совсем не так, как раньше. Сам привык, и его приучил. Да, Гвоздь?

Дьявол недовольно заворчал.

Альбина почувствовала, что ступила на запретную территорию. Тимур был недоволен разлукой с морем, переводом в Александрию и ограничениями, наложенными медкомиссией. Кого он больше дрессировал — себя или Гвоздя? Не спросишь. И не выразишь сочувствие. Тимур ответит хлестким: «Тебе этого не понять», и перестанет разговаривать.

— Дверь в комнату-бассейн закрывать надо?

— Все равно. Я в бассейне не сплю, только изредка окунаюсь, а он туда не заходит. Один раз упал, когда маленький был, соленой воды нахлебался и больше ни-ни.

— Ясно.

— Не могу отдать его в гостиницу для животных, — Тимур повторил слова, с которых начался первый разговор. — Они не принимают на передержку животных с Медиума. Это идиотское предубеждение — «все животные Медиума обладают телепатическими способностями и могут навредить человеку» — прочно укоренилось в умах. И соседей просить не хочется. У всех свои дела, никому не надо возиться с чужим зверем.

— Мне не трудно, — заверила Альбина. — Какая разница, где писать годовой план — в «Вечности» или в твоей квартире? Ноутбук включила и работай, сколько влезет. Может быть, мозги лучше зашевелиятся от перемены обстановки. Буду выкраивать пару часов в день на прогулки. Подышу свежим воздухом, а то в комплексе как-то не получается. Здесь же море недалеко, я правильно помню?

— Да, — Тимур прищурился, предупредил. — Родне не говори про Гвоздя. Мать потом не отцепится, начнет придумывать, что Гвоздь на меня ментально воздействует. А я не хочу сто раз повторять, что это глупости, что сумчатые дьяволы — не телепаты. И дедушке с бабушкой... в общем, никому не говори.

— Ни в коем случае! — пообещала Альбина. — Зуб даю!

Тимур фыркнул. Улыбка перебросила мостик в прошлое, сделала его похожим на прежнего себя — красивого веселого тельхина-полукровка, выныривавшего на сушу ради отдыха и приключений. Альбина невольно отметила, что сейчас Тимур как будто выцвел. Словно возрастные изменения, мешавшие ему превращаться и бороздить морские глубины, стерли с лица краски и усилили синяки под глазами. А янтарные браслеты с инклюзами-чешуйками висят на запястьях непосильным грузом.

— Они ничего не узнают, пока ты сам не скажешь, — она заговорила, отгоняя неловкость, заполняя внезапную паузу ненужными словами. — Я предпочитаю держать язык за зубами. Если помнишь, я родителям о своем замужестве только через три месяца рассказала.

— Помню, — кивнул Тимур. — А о разводе ты им рассказала?

— Еще нет. Да мы всего-то полгода как развелись. Зачем с новостями спешить?

Гвоздь неожиданно утробно заурчал, словно согласился со сказанным. Альбина вздрогнула. Тимур рассмеялся, спросил:

— А как обстоят дела на личном фронте, сестрица?

— Никак. Я дала себе зарок больше не связываться с военными.

— Как будто у вас в «Вечности» гражданских нет!

— Есть, но мало. И они мне не нравятся.

— Тогда придется гулять и знакомиться. В доме только военные.

— Ничего, — отмахнулась Альбина. — Я сюда не ради женихов, а ради Гвоздя.

Она протянула руку, осторожно погладила жесткую шерсть. Гвоздь открыл пасть, полную острых зубов, предупреждающе зашипел.

— Побаивается.

— Он? Меня? Это я его побаиваюсь!

— Уживетесь, — усмехнулся Тимур. — Он смирный. И пугливый.

Альбина внимательно посмотрела на Гвоздя и недоверчиво покачала головой. Сумчатые дьяволы напоминали помесь барсука с бультерьером, весили от пятнадцати до двадцати килограмм — Гвоздя нельзя было назвать мелкой особью — и умело пользовались зубами и когтями. В дни университетской практики Альбине довелось работать с дьяволами. Демонстрация зубов и шипение были традиционной угрозой. Не перед бегством, а перед нападением.

— Пора ехать. Надо собрать вещи, скачать файлы. Если засижусь, попаду в пробку на Кольце, потом до утра буду собираться.

— Я тебя провожу.

Они встали. Гвоздь спрыгнул с письменного стола, забрался на кресло, в котором сидела Альбина, потоптался, свернулся в толстый клубок, встопорщил шерсть на спине и затих.

«Запах перебивает. Интересно, почему он мебель не метит? Не кастрированный. В возраст еще не вошел?»

Альбина вышла на лестничную площадку первой, столкнулась с тельхином, ставившим сумку возле соседней двери, и тут же позабыла о повадках дьяволов. Мужчина, отпиривший дверь квартиры, был высок, хорош собой, и казался странно знакомым. Альбина могла бы

поклониться, что они никогда не встречались, но одновременно знала эту линию подбородка, чуть отросшую щетину, губы... и помнила, что по скулам должны стекать капли морской воды.

— Ты только вернулся? — спросил Тимур. — Я думал, ты давно дома.

— Заехал к статуе, окунулся, подремал в пещере. В комнате-бассейне стаю не выпустишь, слишком тесно.

— Да, тесно. Я завтра уеду в отпуск, хорошенько выгуляю своих тунцов. Альбина поживет в квартире, присмотрит за Гвоздем, — Тимур спохватился и добавил. — Альбина — моя двоюродная сестра. Альбина, это Марлин, мой сосед.

— Очень приятно.

Они произнесли слова хором и обошлись без рукопожатия или прикосновения к запястью: Марлин отпер дверь и подхватил сумку, Альбина начала спускаться по лестнице, пытаясь понять: «Где я его видела?»

— Не рекомендую, — проговорил Тимур у нее за спиной. — Марлин уроженец Налисса, скоро возвращается к себе. У него истекает контракт.

— Да я, собственно...

— На всякий случай предупреждаю. Чтобы не было недоразумения. Если что-то случится, обращайся к моему бывшему командиру.

— Он тоже тут?.. — Альбина махнула рукой в сторону исследовательского центра.

— Нет. Его миновали возрастные изменения. Просто перевели в министерство. Возраст, выслуга в отряде. Он собирается жениться.

— Жениться? — удивилась Альбина. — Хм... мне казалось, он никогда не остепенится.

— Я бы не сказал, что он сильно остепенился, — хохотнул Тимур. — То в драки лезет, то на картодроме пропадает, то в трофи-рейды уезжает. Но в кабаках не гуляет, вереница особ с пониженной социальной ответственностью осталась в прошлом. Немножко остепенился. Ты права.

Альбина дернула плечом — «не права, просто угадала» — попрощалась и села в машину, надеясь быстро выбраться из лабиринта перегруженных центральных улиц и попасть на Кольцо до вечерней пробки.

Глава 2

Ей повезло. Желаящих покинуть Александрию и попасть в «Вечность» было немного, а на Кольце, развязке, соединявшей выезды из семи межпространственных тоннелей, еще не скопились автомобили. Альбина ловко объехала вереницу боевых роботов, ожидавшую сигнала возле тоннеля на Медиум, и устремилась на Пшер, следя за габаритными огнями предыдущей машины — упаси Господь от столкновения на дороге между мирами, потом хлопот не оберешься, будешь тонны объяснений военной полиции писать.

Выехав из тоннеля, она вздохнула с облегчением — вроде и привыкла, а иногда страх накатывал. Неизвестно кем и когда проложены эти пути между мирами. Непонятно, по какому принципу работают. И неведомо, когда могут закрыться. Да и зачарованные изгороди на въездах и выездах приятности не добавляют. А ну как примет за телепата? Поди потом, докажи, что ты не под влиянием. Экспертизы ненадежны, влияние сегодня есть, завтра нет, а в «черный список» определят на всю жизнь, потом даже дворничихой в колонии не устроишься.

Сразу прибавить скорость Альбина не решилась — дорога еще была слишком извилистой. Колонию осваивали давно, в середине двадцатого века, выравнивание выезда отложили на потом, и откладывали каждый год, объявляя о грандиозных планах расширения трассы. Обитателям научного комплекса и робототехнического полигона было ясно, что в ближайшие десятилетия никакого благоустройства не случится — освоение Пшера было прихотью давно почившего императора Андрея Радетеля, сейчас колония существовала на дотациях, перепавших из казны.

Восемьдесят лет назад люди пригнали на Пшер машины, усердно вгрызавшиеся в каменную твердь. На месте козых троп возникли асфальтированные трассы, лесистые склоны изуродовали просеки с линиями электропередач. Насыпи сформировали террасы, на которых построили здания — корпуса лабораторий и жилые дома. А в толще скал безжалостно перекроили лабиринт древних пещер — часть из них залили бетоном, часть приспособили под хранилища и залы подземных полигонов. Научно-исследовательский комплекс «Вечность» вырос, как гигантский удав, по счастливой случайности свалившийся в яму с кроликами. Император Андрей Радетель контролировал строительство лично. Как прежде контролировал расширение тоннеля между первой колонией и Пшером.

Андрей Радетель как и многие правители, желал жить и властвовать, не ограничивая себя сроком, отпущенным телу. И не пожалел имперской казны, пытаясь воплотить мечту в жизнь. По его замыслу «Вечность» должна была стать колыбелью бессмертия. Здания комплекса заполнили ученые. Кого-то заманили деньгами, кого-то — возможностью проводить запрещенные на Земле эксперименты. А некоторых подданных императора попросту отправили туда насильно, навязав долгосрочный контракт.

Смешение научных школ и экспериментов с налисским янтарем вместо ожидаемого Андреем Радетелем прорыва обернулось неразберихой, нестыковками в разработках и проваленными проектами. Каждый тянул покрывало на себя: одни пытались создать искусственное тело, в которое можно будет пересадить мозг здравствующей особи и подарить ей вторую жизнь, другие бились над проблемой омоложения, третьи конструировали накопители информации, способные собрать и записать энергетический отпечаток — в просторечии «душу».

После смерти Андрея Радетеля, так и не дождавшегося от «Вечности» каких-либо результатов, его сын и наследник Сергей Грозный пересмотрел принципы финансирования комплекса. Жесткая рука отсекала бесплодные ветви исследований. Большинство ученых были отправлены домой. Но лаборатории и жилые сектора не пришли в запустение — даже достраивались новые. Потому что на Пшере теперь базировались Институт робототехники и Мини-

стерство по противодействию телепатии. А теперь и проект «Тортилла», в котором участвовала Альбина — и занимала далеко не последнее место.

Трасса перестала петлять, перед автомобилем виднелась прямая линия асфальтового полотна. Это позволило прибавить скорость, покопаться в мыслях и ощущениях, не отвлекаясь на помехи на дороге. При взгляде на рекламный щит мелькнуло какое-то воспоминание. Альбина попыталась удержать обрывок, но не преуспела. «Это Марлин, мой сосед». Может быть, неяркая лампочка на лестничной площадке усилила природное обаяние тельхина? А при дневном свете Марлин потеряет часть привлекательности и перестанет казаться знакомым?

«Эх, — напомнила себе Альбина. — Он тельхин. Обаяние никуда не денется. Вон, отцу Тимура под семьдесят, а как на сушу выйдет, тете Зое от него девиц приходится метлой отгонять. Радует, что муж чистокровный и из моря уже редко выбирается. Недолго и разориться на метлах, даже с графскими миллионами. Эх... Наверное, к лучшему, что Марлин скоро уезжает. Не будет искушения, ложных надежд».

Она свернула на ответвление от трассы, не обращая внимания на грозные щиты о закрытой зоне и километровой контрольной полосе. Асфальтовая лента льнула к горе, извивалась как змея, и заползла-таки в ловушку — уткнулась в очередной тоннель и блок-пост. Здесь магических изгородей не было — старались минимизировать лишние воздействия на объект. Альбина предъявила пропуск, не выходя из машины. Маленькая привилегия заместителя руководителя проекта. Скучающие охранники — человек в янтарных браслетах и вооруженный реммиарец — внесли данные в компьютер, продублировали в бумажном журнале учета посетителей, и только после этого открыли шлагбаум. Темный зев тоннеля вспыхнул. Прожектора на стенах и алая линия разметки били по глазам, заставляли жмуриться.

— Ох, извините, доктор Скловская! Сейчас я мощность убавлю, мы ситуацию номер четырнадцать обрабатывали, — объяснил поручик.

Альбина знать не хотела, что на их казарменном языке обозначает «четырнадцать», и спрашивать не собиралась. Кивнула, медленно поехала вперед, придерживаясь алой полосы. Подземное путешествие было коротким, но безмятежность сумерек, успокоивших растревоженные глаза, длилась недолго. Второй блок-пост. Ворота в трехметровой стене с колючей проволокой. Пропуск, журнал, компьютер. И только после этого последний отрезок дороги — к проходной в мини-городок.

Стемнело — в горах темнело очень быстро. Стекло дверей проходной и окна казарм и общежитий влекли обманчивым теплом. Ранняя осень. Вслед за темнотой стремительно приходит холод, влажным выдохом тревожит одиночество, шепчет: «Хорошо, если дома кто-то ждет».

«Нет», — беззвучно ответила Альбина и поставила машину на парковку.

Она радовалась временному одиночеству, возвращению в пустую служебную квартиру. Развалившийся брак с Филиппом оставил привкус горечи, ожидания неприятных сюрпризов — приедешь из Александрии, а вместо чашки чая и ломтика кекса ужинаешь скандалом. «Что, налюбовалась на тельхинов? Братец свистнул, а ты сразу побежала выполнять? Крошки с графского стола подбираешь?». Альбина передернулась, напомнила себе, что Филипп больше не устраивает ей скандалы — если избегать столкновений в уединенных уголках комплекса, где нет свидетелей — и вышла из машины.

Пройдя очередную цепь контроля, она позвонила кадровику, подтвердила, что берет две недели отгулов — «нет, ничего не изменилось, я должна помочь двоюродному брату, а объект все равно в спячке» — заглянула в кабинет второго заместителя и забрала два диска с цифровыми копиями летних исследований. В лабиринте коридоров, перездоровавшись с попавшими на пути сотрудниками, она все-таки натолкнулась на бывшего мужа. Смалодушничала, спряталась в курилку, и даже с пользой: лаборанты сообщили, что у объекта сменилась фаза сна. Тортилла погрузилась в зимнее оцепенение, напоминающее летаргический сон. За три

года исследований команда нашла методы пробуждения объекта — искусственное повышение температуры воздуха, шум, направленный свет. Однако после недавнего совещания было принято решение позволить Тортилле месячный сон. Из-за того, что она начала реагировать только на чрезмерные раздражители и отключалась в процессе экспериментов.

— Вот и замечательно, — подпуская в голос искусственно-бодрых ноток, сказала Альбина. — И она отдохнет, и я отдохну. Завтра утром уеду в Александрию. Оставила распоряжение вызывать меня только в случае чрезвычайной ситуации. Справитесь сами?

Ее заверили: «Без проблем! Тут и делать-то нечего, когда она спит. Отдыхайте, доктор Складовская!». Альбина вышла из курилки, волоча за собой шлейф табачного дыма, уловила в коридоре тающую нотку знакомой парфюмерии — как будто бывший муж стоял и чего-то ждал под дверью — а потом вдруг вспомнила все сразу: и капли морской воды, и скулы, и ударяющий по воде хвост, и мокрые губы.

Глава 3

Она промчалась в жилой корпус для старших научных сотрудников и командного состава, быстро отперла дверь квартиры, села за письменный стол и включила ультрабук. Система загрузилась, браузер любезно предоставил поисковую строку, и Альбина, сгорая от нетерпения, вбила запрос: «Реклама дезодоранта морская вода тельхин». На странице появились прямоугольники видео — да, конечно же! Только не дезодорант, а линия мужских бьюти-средств «Сизая Москва»: пена, гель и крем для бритья. Марлин выныривал из воды, дразнясь шириной плеч, окатывал камеру брызгами, не позволяя разглядеть хвост. Касался очков для плавания, закрывавших половину лица, демонстрируя массивный янтарный браслет, соскальзывал пальцами на щетину. А потом — он или не он — дотрагивался до абсолютно гладкой щеки и забирал очки для плавания с полочки, роняя то крем, то гель, то пену. В зависимости от выбранного ролика.

Альбина скачала все три рекламных творения, внимательно просмотрела, убедилась, что они не идентичны, сделала скриншот и поставила вынырывающего Марлина обоями на рабочий стол. Красиво. Приятно. Очки для плавания система обрезала, но не в них суть. К тому же тельхинам они не нужны, Альбина это от Тимура знала.

«А ведь марлин не имя. Это название хищной арктической рыбы. У тельхинов нет привычных нам имен, которые можно озвучить на земле. Тимур говорил, что его настоящее имя звучит только на глубине, и на воздухе невозможно передать, как его нарек отец — в подводной столице Налисса, с одобрения Конса. Как Марлина зовут на самом деле? Не узнаешь. Сплошные тайны».

Она собрала вещи в чемодан, упаковала диски и флешки, добавила две папки с бумагами и улеглась спать, отгоняя тревожные мысли. Ее беспокоило состояние здоровья Тимура: если чистокровные тельхины старея, скрывались в море и почти не выходили на сушу, то полукровки теряли умение превращаться и дышать под водой и доживали отпущенный век на тверди. Как узнать, насколько далеко зашел процесс? Может ли Тимур провести под водой хотя бы полчаса? Насколько его тяготит вынужденная жизнь на суше? Слушаются ли его браслеты? Наверное, да, он сказал Марлину, что будет выгуливать своих тунцов в отпуске. И разжиться сведениями по знакомству не получится — Морской Корпус и связанный с ним исследовательский центр свято блюдут свои секреты.

Утром она поднялась по будильнику, проделала гигиенические процедуры, созвонилась с кадровиком и подчиненными, спрятала ультрабук в чехол и отправилась на стоянку, волоча за собой чемодан на колесиках. Проходная. Пропуск, журнал, компьютер. Пожелание хорошего дня. Второй блок-пост. Пропуск, журнал, компьютер. Препятствия к свободе, которые очень хорошо оплачивались — не на что жаловаться, сама такую судьбу выбрала.

Ее остановили перед тоннелем. Нарушение привычного распорядка вызвало всплеск раздражения — Тимур ее ждет, чтобы отдать ключи, а кому-то пришло в голову развести ненужную волокиту. Раздражение сменилось тревогой, когда двое рядовых-реммиарцев втолкнули ее в комнату для допросов. И конечно же за дознавательским столом сидел бывший муж — сверлил ее пристальным взглядом и потирал браслеты. Через некоторое время Альбина решила, что ей снится кошмар. Обвинение в шпионаже в пользу Медиума? Вывоз секретных документов с целью продажи менталистам? Да ты с ума сошел, Филипп?

Последняя фраза случайно вырвалась вслух — соскользнула на язык, выпрыгнув из хаоса мыслей. Альбина проговорила и тут же об этом пожалела. Филипп свято соблюдал принцип «не применять заклинания к гражданским лицам». Пальцы впились ей в горло, заставляя захлебнуться воздухом. Альбина подумала: «Господи, неужели отыграется, прикончит на месте?» В глазах потемнело, в ушах зазвенело — то ли от нехватки кислорода, то ли от страха.

Она не сразу услышала голос за спиной, не сразу поняла слова, обращенные к Филиппу. А через минуту возблагодарила систему безопасности, разработанную генералом Бенкендорфом. Компьютерная программа обработала данные с постов, выявила задержку автомобиля, послала сигнал сотрудникам отдела внутреннего контроля, после чего те немедленно отправились выяснять обстоятельства происшествия.

И Филиппа, и Альбину, и распотрошенный чемодан доставили в приемную кабинета генерала Бенкендорфа. Филиппа вызвали первым, и Альбина успела вдоволь понервничать: дверь не пропускала ни звука, красноречие бывшего мужа и бдительность генерала могли слиться в единый порыв, и тогда прощай свобода и общество Гвоздя — увезут в Следственный Комитет, а оттуда попробуй еще выйди.

Филипп покинул генеральскую обитель, краснея щеками и приглаживая взъерошенные волосы. Адьютант пригласил Альбину в кабинет через минуту. Бенкендорф пил чай с лимоном, излучая благодушие и отеческую заботу. Поинтересовался, не надо ли ей вызвать врача, и, получив отказ, изобразил внимание — «тогда, мол, рассказывай». Альбина собралась с силами, изложила обстоятельства дела:

— Я получила разрешение у куратора по безопасности. Все копии документов зарегистрированы в системе, бумажные страницы распечатаны на листах с индивидуальными водяными знаками. В диски впаяны голограммы. Я буду работать в Александрии, дом — охраняемая территория, жильцы — военнослужащие причисленные к Морскому Корпусу.

— Знаю, куда ты едешь, — отмахнулся Бенкендорф. — Были бы сомнения в благонадежности — никто бы тебя туда не отпустил. Что за конверты он упоминал? Какие-то распечатки без водяных знаков.

— Это мои черновики, — быстро ответила Альбина. — Компиляция данных, содержащихся в утвержденных носителях. Я пытаюсь найти связь между силой воздействия объекта, длительностью сна и методами пробуждения.

— Получается? — мирно спросил генерал.

— Пока нет.

— Отдохнешь немножко, помотришь свежим взглядом, может быть, что-то и получится. Езжай.

— Я могу ехать? — недоверчиво переспросила Альбина.

— Да. Отдохни. Подыши морским воздухом. Если понадобятся дополнительные отгулы, позвони, кадровик тебе их оформит.

— Спасибо, — не веря своему счастью, проговорила она.

— Не за что, — Бенкендорф одарил ее улыбкой. — Думаю, тот факт, что твой бывший муж уволен, не сильно тебя расстроит. Хорошей дороги, доктор Складовская.

— Уволен? Почему так сразу?

— Его можно заменить, а тебя — нет, — сообщил генерал выжатому ломтику лимона в чашке. — Хорошей дороги, не испытывайте мое терпение, доктор.

Альбина побила все рекорды, объехала одну пробку по обочине, но прибыла в Александрию только к часу дня. Тимура уже и след простыл — в двери белела записка: «Ключ у Гольца. Кв. 54». Из квартиры не доносилось ни воя, ни грохота. Видимо, Гвоздь еще не умирал с голоду. Поиски квартиры номер пятьдесят четыре привели Альбину в соседний подъезд, однако нужная дверь тоже была закрыта. Ее метания не остались незамеченными.

— Эй! Альбина!

Глава 4

Ожившая реклама крема, пены и геля для бритья смотрела на нее с лоджии.

— Здравствуйте!

— Кинуть вам ключ? — спросил Марлин. — У меня есть, Тимур пару лет назад в прихожей на крючок повесил.

— Киньте, если не трудно. Я бы подождала полковника Голицына, Тимур написал, что оставил ключи у него, но надо срочно покормить Гвоздя.

— Гвоздь тоже у меня, — сообщил Марлин, сбросив на асфальт ключ. — Утром в гости пришел, а теперь уйти не может.

Альбина подобрала ключ и пошла в подъезд, пытаясь понять: «Почему Гвоздь не может уйти? Дверь заперта? Так ключи же есть, неужели сложно открыть?»

Поднимаясь на второй этаж, она успела напридумывать кучу ужасов: Гвоздь выпал из окна, и... сломал лапу, съел кусок фольги, напоролся на ограждение клумбы. Случиться могло что угодно, и как потом оправдываться перед Тимуром? Ключ вошел в скважину одновременно со скрежетом замка в соседней двери. Марлин стоял на пороге, почесывая щетину знакомым жестом.

— У нас дырка в перегородке между лоджиями, — объяснил он. — Не сами сделали, не вывалилась, это по проекту. Гвоздь ко мне часто лазает. Иногда заходит, иногда от меня идет на пожарную лестницу и спускается во двор. Я сегодня из магазина пришел, пакет на пол в кухне поставил, а Гвоздь тут как тут. Услышал, что что-то шуршит, прибежал проверить. Спер гроздь бананов, кое-как запихнул в сумку, и теперь обратно в дырку выйти не может. Расперло вдвое, не пролазит. Я и так, и так его уговаривал, обещал, что бананы в дырку просуну, а он шипит, укусить пытается, не отдает. Сидит на лоджии, недовольный и обиженный.

— И что теперь делать?

— Свою дверь пошире откройте, я его попробую в прихожую выгнать. Если сообразит, что путь свободен, сам из квартиры в квартиру перейдет. А если нет, я его заклинанием свяжу и перенесу.

Альбина вспомнила, что сумчатых дьяволов надо брать за холку и шкуру прямо перед хвостом и так перемещать из вольера в вольер — это знание крепко засело в памяти со времен университетской практики — и сказала:

— Не надо заклинанием. Если будет упираться, я его как-нибудь заберу.

Гвоздь, подталкиваемый Марлином, кособочась, вышел в прихожую. Гроздь бананов — не меньше полутора килограммов — не помещалась в сумку, уродовала фигуру и сильно мешала передвижению на четырех лапах. Увидев открытую дверь в родной дом, Гвоздь оживился и поковылял быстрее. На пороге он все-таки споткнулся, растянулся на коврике, нещадно сминая бананы, но тут же встал и удалился в глубину квартиры.

— Спасибо большое, — искренне поблагодарила Альбина. — И за ключ, и за то, что Гвоздя приютили. Я куплю бананы взамен утраченных.

— Не нужно, — отказался Марлин. — У нас с Гвоздем своя бухгалтерия, сочтемся. Не забудьте взять ключи у Гольца. Там брелок, который ворота открывает, у меня лишнего нет. И не оставляйте машину на улице, загоняйте во двор. В последнее время шалят, вскрывают.

Альбина переполошилась: еще не хватало, чтобы документы украли, потом перед генералом не оправдаешься — срок впают, не за шпионаж, так за халатность — и спросила:

— А у вас есть свой брелок? Откройте мне ворота, пожалуйста. У меня там нужные вещи, не хотелось бы лишиться.

— Подгоняйте машину, — кивнул Марлин. — Я с лоджии открою и закрою.

Альбина въехала во двор и припарковалась, подбадриваемая комментариями с лоджии и из трех окон. Возле беседки ставить машину было нельзя — там место майора Оболенского, возле сирени тоже нельзя — подполковник Трубецкой будет недоволен, и возле подъезда ни-ни — полковник Голицын начнет орать. Как орет Голец Альбина помнила прекрасно: один раз услышишь — вовек не забудешь. Спасибо, больше не надо.

Стоило помянуть Гольца вслух и в мыслях, как он появился во плоти — ворота медленно отъехали в сторону, впустили новенький паркетник с сияющей радиаторной решеткой. Одновременно с этим открылась дверь на лоджию в квартире Тимура. Альбина вздрогнула: она прекрасно помнила, что защелкнула ручку — квартиру изрядно выстудило, несмотря на относительно теплый сентябрьский день. Неужели Тимур незаметно вернулся? Нет, там только Гвоздь. Осмотрел двор, исчез... о, снова появился, вылез с лоджии Марлина. Альбина засмотрелась как мохнатая тушка ловко перебирается на ржавую пожарную лестницу, спускается вниз, нащупывая задними лапами перекладки, и чуть не забыла поздороваться с Гольцом.

— У тебя шея грязная, что ли? — спросил тот, осматривая ее с ног до головы.

Альбина наклонилась к автомобильному зеркалу и с ужасом обнаружила, что на горле — слева и справа — проступили отчетливые синяки от пальцев Филиппа.

— Ага, тушь размазалась, — неуклюже соврала она, подтягивая вверх воротник жакета. — Здравствуйте, Сергей Васильевич. Рада вас видеть в добром здравии.

— Трындишь как дышишь, — добродушно сказал Голец — и непонятно было, что он имел в виду: синяки или радость встречи.

Гвоздь добрался до последней перекладки и шумно рухнул в палисадник с двухметровой высоты.

— Привет, сумчатый! — завопил Голец. — Иди, иди сюда, я тебя яблоком покормлю, мне сегодня утром на сдачу в буфете дали.

Гвоздь получил большое яблоко, обнюхал и благосклонно спрятал в сумку. Полковник Голицын протянул Альбине ключи. Пальцы столкнулись, связка упала на асфальт. Гвоздь ловко подхватил добычу, спрятал к яблоку и скачками помчался ко вторым воротам, закрытым на большой ржавый замок — министерский дом граничил с хозяйственными постройками Первого Исследовательского центра.

— Скотина! — заорал Голец. — Нахапал барахла и смылся! Кто-нибудь, позвоните охранникам, пусть они его назад принесут. Я не могу, у меня сегодня перерыв короткий, жрать хочу — умираю.

Гвоздь слушал речь уже из сухой чаши фонтана. Альбина зажмурилась, переживая накатившую волну отчаяния — день и так не задался, а сейчас, когда после слов полковника начали закрываться окна, и стало ясно, что идти и разговаривать с охранниками придется самой, захотелось сесть на асфальт и расплакаться.

— Ирочка? — в голосе Марлина зазвучали игриво-бархатные нотки. — Будь добра, отправь кого-нибудь из подчиненных, чтобы Гвоздя из фонтана вынули. Пусть в забор просунут, я заберу. А то он ключи стащил и слинял. Если где-то выронит, нам вашу территорию на четвереньках придется прочесывать.

Альбина обернулась, придерживая воротник. Марлин шел от подъезда к забору исследовательского центра, украшенному выцветшей табличкой: «Машины не парковать! Не препятствуйте завозу кислорода».

— Спасибо, — еле ворочая языком, проговорила она.

— Не за что, — отмахнулся Марлин. — Вы сильно побледнели. Нехорошо? Может быть, вызвать врача?

— Нет-нет, не надо.

«Бледная, шея грязная... Марлин-то наверняка синяки рассмотрел. Не хочу знать, что подумал».

Охранники действовали без церемоний: спеленали Гвоздя силовыми путами, принесли к забору, просунули сквозь прутья ограды, там, где решетка была помята. Марлин взял трофей на руки, спросил:

— Вы вещи из машины забирать будете? Гвоздя я донесу, если сейчас отпустить, он опять сбежит.

— Да, чемодан. То есть, буду забирать, — согласилась Альбина.

Она унесла в квартиру и чемодан, и ультрабук с новыми обоями — благо, в выключенном не видно. Созерцание Марлина и Гвоздя укрепило в мысли, что было что-то еще, кроме рекламы — какая-то фотография. Короткая статья то ли в бумажном журнале, то ли на каком-то сайте, проиллюстрированная черно-белым снимком. Потому-то Альбина и узнала это лицо, только подбородок и скулы из памяти бы вытерло.

— Вы на меня странно смотрите, — проговорил Марлин, переступая порог. — Что-то не так?

— Все так, — заверила Альбина. — Я думаю.

— О чем? — поинтересовался Марлин, укладывая оцепеневшего Гвоздя на телефонную тумбочку рядом со старомодным дисковым аппаратом — системой внутреннего оповещения дома.

— Вам не понравится, честное слово.

— О? Заинтриговали. Колитесь. Попробуйте меня удивить.

Это определенно был флирт — в голосе снова появились бархатные нотки. Альбина утратила осторожность и брякнула:

— Жалко, что вы не рекламировали нижнее белье.

— Фу, — Марлин демонстративно сморщил нос. — Мелко. Вы еще мне щеку попытаетесь погладить, чтобы проверить, хорошо ли выбрита.

Дверь закрылась. Гвоздь обрел подвижность и упал с тумбочки с жутким грохотом.

— Я же предупредила — вам не понравится! — крикнула Альбина в дверь и сняла туфли.

Глава 5

Она понимала, что ее здорово занесло, и виной тому не обаяние Марлина, а утренние проблемы. Нужно было перестроиться, забыть, вычеркнуть эту нечаянно сказанную глупость, но в голове начало крутиться продолжение диалога: «а если он скажет так, я отвечу так, а если эдак...» Призрачную беседу прервал Гвоздь, положивший на полочку ключи и яблоко и резво помчавшийся к двери на лоджию. Альбина побежала за ним, стряхнула с ручки, и нашла три дополнительные щеколды под потолком, которые надо было запирать. Гвоздь обиделся и куда-то ушел — то ли в гостиную, в свой домик, то ли перепрятывать бананы. Альбина посмотрела на часы, добралась до кухни, поменяла воду в одной миске, выложила во вторую банку консервов, а игрушечную птичку решила пока не распечатывать — Гвоздь и так хорошо размялся.

Холодильник был забит припасами. Альбина осмотрела упаковки и пришла к выводу, что надо срочно идти в магазин. Она не ела ни коктейли из морепродуктов, ни салаты из водорослей, ни сырую и слабосоленую рыбу. И не только за едой надо было идти — у Тимура даже чая и кофе нормального не нашлось. Только гранулированные заменители из водорослей.

«Раньше он не отказывался от мяса и кофе. Изменились вкусы? Перевели на диету?»

Альбина перетрогала красивые пакетики и банки, посторонилась, пропуская Гвоздя к миске с консервами, и ушла в гостиную, на диван. Горло саднило, как будто у нее начиналась ангина — накрыло приветом от Филиппа.

«Полежу час, потом выгуляю Гвоздя, куплю продуктов и приготовлю ужин. Молоко и мед не забыть. Нагрею, выпью и горлу полегчает. А работать начну завтра. План никуда не убежит».

Она открыла глаза в сумерках, и не сразу поняла, где находится. Под боком мирно сопел теплый Гвоздь, за окном раздавались какие-то невнятные крики. Альбина погладила забурчавшего дьявола, выглянула в кухонное окно и выяснила, что Голец уговаривает Марлина побегать. Потому что Гольцу надо, а одному скучно.

— Я же фитнесом занимаюсь! — объяснял полковник, сотрясая воздух. — Авдотья сказала, что режим дня должен включать фитнес и йогу. Йогу пока разрешила отложить. А фитнес-датчик, который к браслету крепится, велела не снимать. Я не снимаю, ношу, а он все подсчитывает. Кардио нормально, ходьба нормально, а бега не хватает. Если цели сбрасываешь, пищит отвратительно и потом три дня глючит. А Авдотья ругается. Проще побегать.

— Вызови кого-нибудь из подчиненных, — ответил Марлин. — Пусть они тебя развлекают.

— А потом выговор за превышение полномочий? Нет уж. Я лучше с тобой.

— Ладно, — сдался Марлин. — Сейчас оденусь. Мне скоро нормативы сдавать, а турник себя в квартиру не принесет.

— Во! — обрадовался Голец и перевел взгляд на Альбину. — А ты там как, девица-красавица? Обживаешься? Гвоздь не обижает?

— Спасибо, Сергей Васильевич, все хорошо.

— Если что-то случится, сразу мне звони! Сразу!

— Да, конечно, — согласилась Альбина и подождала, не сообщит ли Голец свой номер телефона — куда звонить-то?

Номер телефона остался тайной, полковник переключился на собаку, пытавшуюся проникнуть в решетчатые ворота, и на этом светская беседа прервалась. Альбина закрыла окно — к вечеру сильно похолодало — отступила в темную кухню, проследила, как Голец с Марлином, одетые в одинаковые сизые спортивные костюмы с белыми полосами, выбегают за ворота, и решила, что им с Гвоздем тоже пора на прогулку. Надо только одеться потеплее, потому что целебный морской воздух пропитан сыростью и холод пробирает до костей. Или кажется, что

пробирает, акклиматизация дает о себе знать. Все-таки, смена мира на мир, горной местности на морское побережье не может пройти бесследно.

Вышли без споров и скандала — Гвоздь позволил взять себя на поводок, а заартачился уже на улице: не согласился идти в сторону оживленного проспекта и потащил Альбину к морю и хвойному парку.

— Ладно, поужинаю в кафе. Привяжу тебя к какому-нибудь столбику возле входа. Да не беги ты! Мы никуда не опаздываем!

Гвоздь дергал хвостом и мчался как на пожар. Альбина шла следом, намотав поводок на руку, и припоминала, есть ли магазины в районе набережной. Они с Тимуром гуляли и по набережной, и по парку, обедали в кафе неподалеку от учебного комплекса тельхинов. Днем она бы смогла найти знакомые ориентиры, но сейчас потерялась в лабиринте ночных улиц.

«Так и заблудиться недолго. Хорошо, что у меня адрес Тимура в заметках в телефоне записан. Можно вызвать такси, заплатить вдвое за то, что еду с Гвоздем, вернуться к воротам и снова попробовать выйти в магазин. Туда, где больше людей и фонарей. Или заказать доставку. Должна же тут быть доставка».

Они поднялись на пешеходный мост, безопасно пересекая оживленную улицу — непонятно, ходили они с Тимуром через этот мост или нет, вспомнить этого Альбина не смогла. Гвоздь резво спустился по лестнице и повел ее по широкой плохо освещенной аллее. Смолистый аромат сосен перемешивался с запахом моря, кружил голову и заставлял забыть об усталости и болевшем горле.

— А все-таки хорошо, что я сюда приехала, — сказала Альбина то ли себе, то ли Гвоздю.

Сумчатый обернулся, фыркнул, и с новой силой потянул поводок. Аллея закончилась и они вышли на небольшую площадь перед зданием с облупленными колоннами — образцом имперского ампира. Кинотеатр «Морской» выглядел безжизненным, но, подойдя ближе, Альбина увидела афишу и расписание — в будние дни только утренние и дневные сеансы, по выходным еще и вечерние.

Гвоздь начал повизгивать, требуя идти дальше, по аллее, сворачивающей от кинотеатра в густые заросли. Альбина поддалась на провокацию и довольно быстро уткнулась в шлагбаум и щит: «Охраняемая зона. Вход только по пропускам». Она прочитала предупреждение и дернула поводок, чтобы уйти назад. Гвоздь рванулся так, что чуть не сбил ее с ног. Некоторое время они сражались: Альбина была чуть-чуть сильнее, Гвоздь упрямее и визгливее. Сосны и морской воздух перестали радовать, Альбина привязала поводок к ближайшему дереву, надеясь, что сумчатый гад выдохнется и заткнется, и достала телефон.

Карта загрузилась с большой неохотой. Сначала на экране зависло расположение заправок в маленьком городке рядом с «Вечностью», помигало, исчезло, сменилось окрестностями квартиры Тимура — Альбина увидела надпись «Первый исследовательский центр» — а при попытке сменить масштаб и найти кинотеатр «Морской» показала белое пятно. Вот так и надейся на современную технику!

Альбина вздохнула и спрятала телефон в карман. Туман уплотнялся и белел на глазах, пряча и кинотеатр, и щит. На дороге засветились фары. Кто-то медленно ехал к шлагбауму. Гвоздь умолк, Альбина начала отвязывать поводок от дерева и не смогла справиться с узлом — похоже, сумчатый его крепко затянул.

Из-за щита и шлагбаума, путаясь в ветвях деревьев, донесли неразборчивые слова:

— Уже должен... тебя сразу подбросим, а сами через...

Автомобиль подъехал ближе, осветил Альбину, остановился. Из тумана вынырнули двое бегунов в знакомых спортивных костюмах. Голец притормозил, присмотрелся к Альбине. Из машины вышел унтер-офицер, проследил за его взглядом.

— Меня сюда Гвоздь привел, — объяснила Альбина. — Я ни за кем не следила, Сергей Васильевич. Вышла поискать кафе или магазин, а Гвоздь не хотел никуда сворачивать. Я не специально.

Глава 6

— Выучил дорогу. Тут наш стадион. А рядом школа для мальков. Тимур здесь два раза в неделю разминается, — сообщил Голец. — И в буфет ходит. Гвоздь знает, куда идти. Тут буфет хороший, кормят вкусно. Сходи, поужинай.

— Написано, что по пропускам, — указала на щит Альбина.

— А, ну да. Марлин, скажи охраннику, что это наша сотрудница. Я тебя подожду.

— Езжай, — отмахнулся тот. — Я ее отведу, покажу буфет, а потом пойду в магазин.

Не надо меня подвозить.

— Как знаешь, — пожал плечами Голец и сел на заднее сиденье машины с гербом Морского Корпуса.

Марлин позвал Альбину:

— Идите сюда! Нам вниз, по дорожке, к проходной.

— Не могу.

— Почему?

— Гвоздя от дерева отвязать не получается, — чувствуя себя дурой, ответила Альбина. — Я его привязала, чтобы он под шлагбаум не убежал, а узел затянулся. Можете мне телефоном посветить?

— Да, конечно.

Марлин включил фонарик в телефоне. Гвоздь, притихший при виде Гольца, обрадованно завизжал — понравилось, что на него светят и уделяют пристальное внимание. Альбина, мысленно чертыхаясь, сражалась с узлом и проигрывала битву. Марлин некоторое время освещал фонариком поле боя, а потом убрал телефон в карман, за три секунды отвязал поводок и вручил его Альбине.

— Извините, что я вас напрягаю, — пробормотала она, злясь на Гвоздя и ситуацию.

— Нет, не напрягаете, — спокойно ответил Марлин. — Я хотел кофе выпить, но Гольца не переспоришь: побежали, служебная машина приехала, подвезу — его срочно в штаб вызвали. Вы очень удачно подвернулись.

«Удачно подвернулась. С такими словами меня поужинать еще никто не вел, — уныло подумала Альбина. — Даже Филипп, когда ухаживал... Ах, да, Филипп ухаживал. А Марлин, наверное, считает дни до окончания контракта и возвращения к своей русалочке».

Благодаря родству с Тимуром, Альбине довелось видеть тельхинов на семейных праздниках в поместье Шереметьевых. Мужчины были невероятно обаятельны, а дамы сногсшибательно красивы. Что интересно, смешанные браки заключались между земными женщинами и тельхинами. Русалочки тяги к земным мужчинам не питали. Врала сказка. Или потому пересказывали, что диковинное событие когда-то случилось, даже через века забыть не смогли.

Размышления прервал зазвонивший телефон Марлина. Голец успешно обходился без громкой связи — голос разносился на всю округу.

— Слышь, ты охранникам там скажи, чтобы они Альбине такси вызвали. И проводили до машины. Фонари на улице горят через раз, шпана всякая шастает. А я Тунцу обещал, что за ней присмотрю. Не надо, чтобы она одна по темным улицам слонялась.

— Я вызову такси. Или провожу, если она захочет прогуляться и зайти в магазин.

— Лады! — обрадовался Голец. — Буду должен.

— Сочтемся.

Альбина некоторое время обдумывала, во что оценивается ее посадка в такси. Что Марлин может попросить взамен? Вряд ли что-то важное и нужное.

— Вы давно знаете Гольца? — поинтересовался Марлин, убирая телефон в карман.

— Лет десять назад познакомилась. Тимур служил под его началом, и праздновал очередной день рождения в поместье Шереметьевых. Меня пригласили, представили и полковнику Голицыну, и некоторым чинам из Морского Корпуса. Сергей Васильевич произвел на меня неизгладимое впечатление. Живое воплощение слова «несгибаемый». Он почти не изменился с тех пор. Годы его минуют. Вроде бы, седина уже пробилась, а энергии не убавилось.

— Потекла в мирное русло, — хмыкнул Марлин. — Госпожа Истомина умело строит плотины.

— Тимур мне говорил, что полковник собирается жениться. Но не уточнил, кто его избранница.

— Известная балерина, — сообщил Марлин. — Авдотья Истомина, воспетая современными поэтами и прославленная видеороликами в соцсетях.

Альбина, слышавшая об Истоминой — ее имя знали даже те, кто совсем не интересовался балетом — невольно задумалась: чем же Голец ее зацепил? Обаяния у него не было — может быть потому, что на три четверти человек, маловато от тельхина. Некрасивый, шумный, скандальный, требующий подчинения и обожания... Наверное, чем-то удивил Авдотью в постели. Другого объяснения такому странному союзу не было.

— В отряде «Хищник» он, конечно, был на своем месте. А здесь скучает, — проговорил Марлин, ускоряя шаг. — Штабные заботы не дают нужной нагрузки и удовлетворения от хорошо выполненной диверсии.

— Я помню, Тимур говорил, что Сергей Васильевич подрывник и диверсант.

— Да, — подтвердил Марлин.

— А вы? — рискнула спросить Альбина. — Вы — кто? Подрывник, диверсант-глубоководник, спецназовец?

— Тоже диверсант. Мы с Гольцом на Медиуме несколько заданий вместе выполнили. Но я редко работаю с кем-то в паре. В основном одиночные рейды.

Альбина засомневалась:

— Я, конечно, извиняюсь за свои слова о нижнем белье, но, Марлин... вы ведь вешаете мне водоросли на уши, правильно? Диверсанты не снимаются в рекламных роликах.

Туман поплыл клочьями, нагоняя жуть. Гвоздь недовольно засопел. Альбина поежилась. Марлин ответил:

— Долго объяснять, доктор Складовская. Вы, конечно, не из тех гражданских, которые не понимают, что такое военная тайна. И подписки в «Тортилле» давали, и молчать, судя по всему, умеете. Но я пока не готов выкладывать вам детали своей карьеры.

— Вы знаете, кто я? — удивилась Альбина. — Голец сказал? Я же не афишировала. И Тимура просила не распространяться.

— Руководство проекта «Тортилла» — в частности, генерал Бенкендорф — попыталось навести справки об уровне сознательности и температуре морального климата в нашем дружном доме. Устроили проверку, прежде чем вас сюда отпускать. Представителей Морского Корпуса такое отношение оскорбило — кто-то, может быть, и стерпел, но не полковник Голицын. Он поставил на уши коллег, смежные ведомства и подчиненных, и навел справки о «Тортилле» — мало ли, вдруг мы впустим в наш чудесный двор шпионку? У нас же двор без защитной изгороди. Тимур говорил, что он сам вас позвал, но как знать, вдруг на него воздействовали телепаты, чтобы помочь вам поселиться в нашем образцово-показательном доме?

— Глупости какие... — растерянно проговорила Альбина. — Зачем бы мне сюда проникать? Тимур сам мне позвонил. Вернее, написал в мессенджере. А я потом выбралась в Александрию за покупками и ему перезвонила.

— Да, — согласился Марлин. — Голец все перепроверил, убедился, что Тунец сам позвал вас присмотреть за Гвоздем. А попутно накопал информацию о ваших свершениях и проекте

«Тортилла». Я обогатился чрезвычайно интересными сведениями — Голец дал мне почитать пару файлов по старой памяти. Вы действительно разгадали тайну гибели группы Клюева?

— Я не готова выкладывать вам детали моей карьеры, — подавляя дрожь, отзеркалила Альбина.

Она нагнулась и взяла на руки брыкающегося Гвоздя. Ей стало страшно — по-настоящему страшно, как утром в кабинете с Филиппом. Темнота, туман, ни одного человека-свидетеля и дюжий тельхин с вопросами о секретном проекте. Пора бежать. Но в какую сторону?

Глава 7

— Мы почти пришли, — спокойно сказал Марлин.

Два шага, поворот за угол ограды, оплетенной каким-то вьющимся растением — не защитной изгородью — и перед ними открылась залитая светом площадка, колоннада с имперским гербом и надписью «Учебно-тренировочный комплекс "Морской"», красные лампочки, складывающиеся в слово «Буфет» и будка со скучающим охранником.

— Кофе здесь вкусный, еда тоже. Прежде чем мы зайдем — потому что у стен везде есть уши — хочу задать вам один вопрос. У вас очень характерные синяки на шее. Это игры по согласию? Или?..

— Несчастный случай, — быстро ответила Альбина, порадовавшись тому, что вышла из дома в джемпере с высоким воротом, и опустила Гвоздя на асфальт — страх испугался света и свидетелей, убрал свои цепкие лапы. — Служба безопасности переусердствовала.

— Интересные у вас там порядки. Пойдемте. Вот дверь, в буфет можно зайти, не сталкиваясь с охраной. А уже в учебный комплекс — только через проходную. Давайте поужинаем, а потом договорим. Если захотите. А не захотите — помолчим.

Марлин заказал кофе и два куска пирога — с рыбой и с вишней, Альбина — порцию густой куриной лапши, чай с молоком и ломоть орехового рулета. Гвоздь ничего не заказывал, но ему подали котлету и порезанный кольцами огурец.

— Спустите его с поводка, — посоветовал Марлин. — Он никуда не денется, домой сам не пойдет. По «Морскому» гуляет, а про возвращение знает, что только с кем-то.

— Я не понимаю, почему Тимур позвал меня за ним присматривать, — пододвигая к себе лапшу, проговорила Альбина. — Мог бы оставить его в квартире, нанять кого-то раз в день выкладывать корм в миску. Гвоздь прекрасно бы обошелся без посещений буфета — пробежался по двору, собрал дань, посетил исследовательский центр и домой.

Марлин побарабанил пальцами по столу, перевел взгляд на стену, на которой в живописном порядке были развешаны вымпелы и наградные грамоты в рамках. Центральное место в композиции занимал автоматический гарпун — излюбленное охотничье оружие тельхинов.

— Я чего-то не знаю? Тимур говорил — не берут в гостиницу для животных.

— Говорил, почему?

— Из-за распространенного заблуждения, что сумчатые дьяволы обладают телепатическими способностями. Но на Медиуме далеко не все животные телепаты! Видов, которые используют телепатию для защиты, гораздо меньше, чем обычных.

— Вы правы. Но заблуждение укоренилось в умах и затронуло не только гостиницы для животных. Гвоздь знает маленькое кафе напротив нашего дома. Не раз ходил туда с Тимуром без поводка — только дорогу надо перейти. И за мной в это кафе увязывался, и за Гольцом. Персонал его не боится, претензий никто не предъявляет. А за несколько кварталов от нас, в другом министерском доме, случилась скверная история. Дьявол был старенький, подслеповатый. Достался майору по наследству от напарника. Майор за ним не особо-то присматривал, утром выпускал гулять, уезжал на службу, вечером в квартиру звал. Дьявол в кофейню на первом этаже дома заглядывал — по привычке, по маршруту покойного хозяина. И однажды попался на глаза мнительному лейтенанту, которому показалось, что он чувствует телепатическое давление. Хозяина не нашли — кто-то даже сходил и позвонил в дверь квартиры майора, но ему предсказуемо не открыли, рабочее время. Лейтенант вскипел, начал доказывать, что дьявол ему пытается что-то внушить, зверь начал скалиться и отмахиваться, кого-то укусил, и приехавшая полиция его застрелила.

— Ох, Господи!.. — ужаснулась Альбина.

— Думаю, что Тимур позвал вас, чтобы исключить подобный вариант. Чтобы вы забрали Гвоздя, если он сбежит в кафе напротив и кто-то начнет разыскивать хозяина. Или в исследовательском центре кому-то что-то в голову придет. Ни меня, ни Гольца может не быть на месте. А проходящий человек, насыпающий в миску корм, тут не помощник.

Альбина покосилась на Гвоздя, хрустящего огурцом, пообещала:

— Я его даже на балконе на поводок привязывать буду. Боже, какое зверство — убить животное только потому, что тебе что-то померещилось.

Они принялись за еду, закрывая тягостную тему. Гвоздь справился с порцией первым, взобрался на высокий табурет возле стойки и спрятал в сумку две салфетки, пластмассовую ложку и крышечку для кофейного стакана.

— Запасливый, — одобрил Марлин. — Тимур у него вечером все отбирает, так он бегаёт, у меня на лоджии склад устраивает. Иногда такие коллекции собираются — диву даешься. Как-то раз телефон притащил, я дозванивался потом, оказалось — мужик бухой на улице выронил. И даже не заметил. К ключам слабость питает. А! Еще этой весной у Гольца министерскую печать стащил. Тот портфель возле подъезда уронил, пока собирал, что рассыпалось, Гвоздь печать спер и домой спрятался. Через час особистов набежало, как тараканов на хлебные крошки. Все кусты прочесали, квартиру перевернули, машину чуть не до винтика разобрали. А потом Тимур Гвоздю лапы помыл и изъял добычу из сумки. Прибежал ко мне советовать. Мы посоветовались, и печать на газон выбросили — чтобы не вляпаться в проблемы. Утром особисты еще раз двор осматривали, нашли. Конс миловал, никто не догадался. А если и догадался, то вслух не сказал.

Гвоздь свесил хвост с табурета и заметно распушился — подумал, что его хвалят.

— Надеюсь, у полковника не было неприятностей, — пробормотала Альбина и переменила мнение относительно чистки сумки — до этого она решила ничего у Гвоздя не забирать.

— Обошлось. А потом ему на днюху Авдотья два шикарных портфеля подарила. С надежными замками. Министерские секреты теперь в безопасности.

Расплатиться за ужин Альбине не удалось. Марлин продемонстрировал ей министерскую карту подводника, дважды приложил телефон к сканеру и заплатил треть суммы от счета.

— В магазинах без разницы, а в нашей сети буфетов и аптек без карты только деньги в воду выбрасывать.

— Я вам теперь должна и за ужин, и за бананы.

— Ой, Конс прощает, — отмахнулся Марлин.

Сумма действительно была пустяковой, но Альбину, привыкшую к отдельным счетам с Филиппом, ситуация немного напрягала. Она даже не смогла вычислить, кто на сколько наел: Марлин взял еще кофе с собой и две булочки с сосисками и овощами, упакованными в пленку — на завтрак.

Домой пошли медленно, болтая о пустяках. Марлин больше ничего не спрашивал — ни о проекте, ни о личном вкладе Альбины в науку — а заговаривать об этом без прямого вопроса не хотелось. Слишком много переплелось, непонятно, с чего начинать, если обсуждать тему. Некоторые сведения были не засекречены — например, Альбина никогда не давала подписку о неразглашении относительно своих путешествий по Медиуму, Пшеру и Александрии. Но зачем об этом говорить? Марлин интересовался проектом «Тортилла», а не девичьими странствиями Альбины-ксенобиолога.

Магазин в квартале от дома она посетила сама, поручив Марлину охранять Гвоздя. Покупателей почти не было — двое вояк в парадной форме с эполетами методично опустошали полку с пивом, кто-то в гражданском копался в кетчупах. Альбина быстро купила продукты, молоко, чай и кофе, вернулась к ожидающей ее парочке и нарвалась на внезапный вопрос.

— Скажите, доктор Склодовская, — Марлин понизил голос, чуть нагнул, забирая у нее пакет с покупками, почти прошептал в ухо. — Это телепаха? Правда? Они действительно

существуют? Нет, даже не говорите. Кивните или помотайте головой, чтобы все было по правилам.

Глава 8

Альбина улыбнулась: Марлин заискрился любопытством — глаза блестели, даже рот слегка приоткрылся в ожидании ответа. Она кивнула, надеясь, что это не приведет ее в ловушку, расставленную генералом Бенкендорфом.

— Хвост-чешуя! — выдохнул Марлин. — Я почему спросил? Я же на Медиуме в рейды постоянно хожу. И хоть бы кто предупреждение выкатил: мол, поберегитесь, они существуют. Совсем берега потеряли с этой секретностью!

— Это реликт. Эндемик. Их никогда не было на континенте, контролируемом менталистами. Они обитали на цепи островов, примыкающих к нашим базам. К континенту, который мы захватили. И острова, и нашу территорию прочесали частым гребнем. Они вымерли в связи с изменением экологического фона. Их больше нет.

— Вот как... — Марлин почесал нос. — Вы меня успокоили, доктор. Спасибо.

— Я вам ничего не говорила! — Альбина замахала руками, забрала поводок и потянула к ноге еле плетущегося Гвоздя.

— А я ничего не слышал, — откликнулся Марлин и нажал кнопки на кодовом замке, открывая калитку.

У дверей квартир они попрощались, церемонно пожелав друг другу спокойной ночи. Альбина собиралась спросить, пойдет ли Марлин завтра ужинать в буфет. Открыла рот, а потом промолчала — похоже, тот и без дополнительных вопросов заметил ее заинтересованность. Если решит, что Альбина навязывается, может дать задний ход и прощай кофе в буфете с гарпуном. А хотелось бы повторить. Если выгул Гвоздя совпадет с ужином или пробежкой.

Гвоздь охотно согласился помыть лапы — сам влез в ванну, не огрызался, когда вынимали и вытирали. Сумку Альбина решила не чистить: особистов во дворе не было, а если сумчатый пакостник и спер чей-то телефон, хозяин сам позвонит. Спать ушли по разным углам. Альбина — на кровать Тимура, Гвоздь — в свой домик в гостиной. Альбина заснула моментально, только щекой подушки коснуться успела. В пять утра встала, чтобы посетить туалет, обнаружила, что Гвоздь успел сбросить чайник с плиты и теперь мирно дрыхнет под ее одеялом. Альбина подняла чайник, выкинула в мусорное ведро три почерневших банана, которые были разложены вокруг миски, выпила стакан минералки и снова улеглась спать. В девять часов сорок пять минут квартиру заполнила трель дверного звонка. Альбина закуталась в халат и, зевая, побрела в прихожую. Гвоздь даже не шелохнулся, спал, похрапывая.

За дверью обнаружился нервничающий юноша, удивленно воззрившийся на Альбину.

— А где майор Шереметьев? — спросил он, делая попытку просочиться в прихожую.

— Он уехал в отпуск, — осторожно ответила Альбина, не желавшая делиться лишней информацией с незнакомцем.

— Как — уехал? — нахмурился гость. — Он не получал разрешение. Вчера пропустил уколы, и сегодня не явился на контрольное обследование.

— Простите, а кто вы такой? — поинтересовалась Альбина, приглаживая волосы и плотнее затягивая пояс на халате.

— А вы?

— Я — Альбина Скловская, двоюродная сестра графа Шереметьева.

Она специально упомянула титул, игнорируя воинское звание Тимура — граф звучало куда внушительнее, а родство намекало на ее принадлежность к дворянскому роду. Это подействовало.

— Я медбрат Первого Исследовательского центра, — сбавил напор визитер. — Извините, госпожа Скловская, но меня прислал доктор Пирогов, он велел срочно отыскать майора Шереметьева.

— Он уехал в отпуск, — повторила Альбина. — Сказал, что вернется через две недели. Просил не беспокоить сообщениями.

— Куда он уехал?

— Я не знаю.

Медбрат развернулся и позвонил в квартиру Марлина. Альбина застыла на пороге, ожидая продолжения — какая будет реакция на визит, вдруг что-то прояснится? Через некоторое время дверь приоткрылась, и на лестничную площадку выглянул сонный Марлин, замотанный в казенное покрывало.

— Марлин, где Тунец? — напористо спросил медбрат. — Куда он уехал? Пирог злой, как акула — два пропуска, курс препаратов прервался.

— Не знаю, он передо мной не отчитывается, — зевая, ответил Марлин. — Позвони ему, напиши. Зачем ты в двери барабанишь?

— У него телефон выключен. Он не говорил, куда собирается?

— Нет.

Марлин захлопнул дверь. Альбина отступила в прихожую и последовала его примеру.

— Если он вдруг позвонит или напишет, скажите, что его искали, — проорал медбрат.

«Наверняка без напоминаний догадывается», — подумала Альбина и пошла умываться, чистить зубы и кормить проснувшегося Гвоздя.

Она сварила кофе в маленьком ковшике, замазала синяки тональным кремом, оделась и вышла на залитую солнцем лоджию — погреться на утреннем солнышке. Плетеное кресло недовольно скрипнуло. Гвоздь прошмыгнул в дыру и чем-то зашуршал на лоджии Марлина.

«Забыла привязать! А вдруг сейчас вниз по пожарной лестнице уйдет?»

Альбина отставила кофе, почти решилась нанести визит Марлину, повиниться, забрать Гвоздя, и вздрогнула от сурового вопроса.

— Зачем тебе мыло? — громко спросил Марлин. — А ну, положи! Нажрешься — пузыри пускать будешь. Положи, кому сказал!

Гвоздь прибежал на лоджию, уселся на хвост и начал внимательно рассматривать упакованный кусок фруктового мыла. Альбина встала, вырвала добычу из цепких лап и пропихнула в дыру.

— Спасибо, доктор Скловская.

— Пожалуйста. Извините.

— А вы-то почему извиняетесь? Вы же у меня мыло не брали.

«Да я бы и без мыла тебе спину потерла», — подумала Альбина, но вслух ответила:

— Я же должна за ним следить.

— Да за ним разве уследишь?

Светская беседа прервалась: Марлин ушел в квартиру, закрыв дверь на лоджию — раздался характерный щелчок замка. Гвоздь ни капли не расстроился и побежал доедать сухой корм. Альбина откинулась в кресле и задумалась.

«Марлин говорил: «Рейды, Медиум, диверсант». Сказал правду? А почему тогда живет тут, в Александрии? На Медиуме военных городов и казарм полно, а туда-сюда каждый раз через тоннель мотаться неудобно. И в пробке застрять можно, если технику перебрасывают. Соврал, решил покрасоваться? Хм... Надо будет осторожно расспросить Гольца, когда подвернется удобный случай. Только так, чтобы он не заподозрил меня в шпионаже, а списал вопросы на девичий интерес».

Она сделала глоток кофе. С лоджии открывался прекрасный вид на исследовательский центр. Дубы золотились, роняя желуди и пятная тенью солидную лепнину. Старый центр Александрии — первой колонии, названной так в честь Александра Четвертого, и ее одноименной столицы — подавлял величием «имперского ампира»: обилием колонн, гербов, огромных гипсовых цветочных ваз, выкрашенных в серебристый цвет, фонтанов и парковых скульптур.

Альбина присмотрелась к дорожке, петляющей между корпусами. Да, точно. Из-за сбросившего листья куста проглядывает силуэт «Тельхина с веслом». Альбине нравилась растиражированная пошлость имперского реализма — потрепанная временем, но еще не побежденная, пугающая подвыпивших гуляк величиим «Заклинательница со снопом» и «Штаб-трубач».

«Надо будет запечатлеть все это великолепие, пока не надумали реконструировать, — подумала она. — Вобьют в землю «свечки», блистающие стеклопакетами, и взгляд остановить будет не на чем».

Налюбовавшись на ампир, Альбина озаботилась завтраком. По отсутствию сухого корма для ксенобиологов пожарила себе яичницу и сделала два бутерброда с маслом — решила все-таки попробовать джем из ульвы. Ко второму кофе — снова на лоджии — явился Голец. Втиснул паркетник между хлипкой беседкой и ржавой оградой клумбы, вышел, чуть не поцарапав дверцу, внимательно осмотрел двор, окна и лоджии.

— Марлин!

Звуковые волны атаковали дом, проникли на территорию исследовательского центра и сбили кусок отслоившейся серебрянки с весла тельхина.

— Марлин! Спустись, пошептаться надо.

— Точно надо?

— Да.

— Тогда иду.

Альбину одолел острый приступ любопытства. Она дважды подпихнула под зад Гвоздя, прошипела: «Гулять! Иди гулять!». Удобное объяснение, если застукают за подслушиванием — обеспокоилась, что убежал без поводка, вышла поискать. Гвоздь подскочил и убежал в домик в гостиной. Пришлось идти просто так. Альбина дождалась, пока хлопнет дверь подъезда, спустилась вслед за Марлином, мягко топча ступеньки лестницы домашними тапочками. К счастью, «пошептаться» по меркам Гольца значило «говорить, чуть понизив голос». Альбина прислонилась к почтовым ящикам, на всякий случай подобрала рекламный буклет, валявшийся на полу, и наострила уши.

Глава 9

— Орать на меня попытался. Я его, конечно, послал. Будет еще на меня какой-то докторишка орать! А потом посидел, подумал: может, Тимура в розыск по нашим каналам объявить? Телефон, даже выключенный, запеленгуют.

— А зачем? — спросил Марлин. — Ты хочешь доставить его Пирогу на блюдечке? Чтобы его даже из квартиры с бассейном в обычную переселили — а то вдруг нырнет и утонет?

— Упаси Конс! Просто найти, спросить, как дела.

— Зачем вмешиваться? Он лучше знает, как у него дела. Сказал бы тебе, куда уезжает, если бы хотел.

— Он мне набрехал! — возмутился Голец. — Сказал, что у него все согласовано.

— Я бы тебе тоже набрехал, — мирно сказал Марлин. — Ты же советами замучаешь, если правду услышишь.

— Сволочи вы! — зарычал Голец. — Помешались на своих психологических границах и личном пространстве.

— Не бушуй. Отпусти ситуацию. Он давно не твой подчиненный. Не обязан перед тобой отчитываться.

— А про сестру сказал! — нашел положительный момент Голец. — Все-таки уважает! Пришел, доложил: кто, куда, на сколько. Попросил присматривать, чтобы барышню не обидели. А, да, ты же файлы читал, которые я у особистов выщарапал?

— Читал.

— Как ты думаешь?..

Голец действительно перешел на шепот — видимо, сработала привычка не разглашать секретную информацию. Альбина постояла возле ящиков еще пять минут и пошла наверх, в квартиру. Так же тихо, как спустилась. Домыслы о проекте «Тортилла» и телепахе ее не сильно интересовали — она лучше многих знала правду.

В квартире она направилась к ультрабуку. Проще развязаться с планом сразу, а потом спокойно догуливать свободные дни.

Она умела отодвигать в сторону как тревоги, так и соблазны внешнего мира. Марлин на заставке перекрылся окнами документов, Альбина заполняла графы, обосновывала периоды отдыха объекта, высчитывая среднее арифметическое по трем старым графикам, вписывала необходимое количество персонала для экспериментов. К пяти часам она сообразила, что Гвоздь не кормлен, не поен, и, скорей всего, хочет гулять. Визит в гостиную убедил ее в том, что от голода Гвоздь не умирает — вокруг домика валялась попахивающая банановая кожура — а вот выйти сумчатому уже приперло. Поскребся в дверь и помчался по лестнице вниз, не слушая Альбину, обещавшую: «Сейчас я спущусь, подъезд открою». В догонялки — Альбина бежала вслед за Гвоздем в домашних тапочках — вклинился Марлин, обремененный рюкзаком. Он толкнул Альбину, не здороваясь и не извиняясь, пинком распахнул дверь и выскочил во двор, опережая Гвоздя. Когда растерянная и обиженная бесцеремонностью Альбина вышла из подъезда, ее оглушил звук сирены. Ворота уже открылись, темно-синий автомобиль с красной полосой и гербом Империи на дверце рванул с места, полыхая проблесковыми маячками и оставляя вмятины на припаркованных автомобилях.

— Хвост-чешуя! — заорал с лоджии Голец, оставивший машину возле ворот. — Ну, Марлин, скотина, не мог чуть правее взять!

— А ты не паркуйся поперек спецвыезда, — посоветовали с соседней лоджии.

— Сволочи вы все, — подытожил Голец и ушел в квартиру.

Альбина села на лавочку возле подъезда, с опозданием понимая, что Марлин уехал не на прогулку. И каких-либо извинений за то, что он оттолкнул помеху с пути, торопясь по служебным делам, можно не ждать. Спасибо, что не растоптал Гвоздя, кинувшегося под ноги.

Голец вышел из своего подъезда, вздыхая, осмотрел помятое крыло машины. Повернулся к Альбине, сказал:

— Тут у нас разметка стерлась. Предупреждаю. Вообще-то вот эти три парковочных места — для спецтранспорта. И вдоль клумбы полоса для выезда, ее занимать нельзя. Страховая потом повреждения не оплатит.

— Я запомню, Сергей Васильевич, — пообещала Альбина. И позволила прорваться любопытству: — А Марлин на Медиуме служит, а живет здесь? Может быть, я что-то неправильно поняла?

— Он в отряде при штабе, — рассеянно ответил Голец, шупая вмятину. — Быстрое реагирование на Медиуме и на Земле. Тут рядом служебные тоннели, двойная полоса, двойной выезд.

— На Земле?

— У пограничников в Черном море замесы с турками бывают. Ну и всякое еще.

— Понятно.

Гвоздь вернулся из исследовательского центра, угостил Альбину желудем и укусил за тапочек, намекая, что сумчатым пора выдавать корм и воду.

— Давай-ка домой. Поешь, а потом выйдем, подольше погуляем. В магазин заскочим за продуктами.

— В буфет не пойдешь? — спросил Голец.

— Не сегодня,

В буфет Альбина хотела сходить с Марлином. И совсем не из-за того, что у тельхинов была скидка по карте.

Прогулка, готовка ужина и одинокий вечер в квартире оказались невероятно скучными — еще хуже, чем в «Вечности». Там Альбина не прислушивалась к звукам извне, не ожидала щелчка замка в соседней двери, не готовила вежливой фразы: «Как ваши дела?», из которой вырастет беседа о машине Гольца, и, может быть, рассказ о том, зачем и куда так торопился Марлин. Альбина ловила шорохи, даже засыпая, но так и не дождалась возвращения тельхина — после одиннадцати вечера в доме и подъезде воцарилась тишина.

Утром ее разбудил Гвоздь, опередивший будильник. Прыгал на дверь лоджии, пытаясь открыть ручку, бегал, царапал кровать. Альбина встала, почти на ощупь отомкнула щеколды и выпустила сумчатого страдальца на свежий воздух, не думая о поводке. Во дворе уже кипела жизнь, доносился голос Гольца.

— Подняли бы, да перезахоронили! А они возьтятся, обнюхивают этот реактор!..

Альбина растеряла остатки дремы. Кого перезахоронивать? Какой реактор? Пришлось высунуть голову на лоджию — Марлин, сидевший в беседке, отвечал гораздо тише.

— Металл уже весь изъеден, лишнее движение делать страшно. Курчатов-младший был прав, надо ставить экранирование.

— Да хрен его поставишь! Там грунт плывет!

— О чем мы спорим? — вяло спросил Марлин. — Все равно не нам решать.

— Ага, нам только подышать возле и после этой подлодки. Если звезданет, меня тоже туда отправят, не сомневайся.

Увлекательную беседу прервал телефонный звонок. Голец с кем-то быстро поговорил и сообщил:

— Мне уезжать надо. Сейчас я кого-нибудь найду... О! Альбина! Можешь потратить час личного времени на нужды Империи?

— А что надо делать? — Альбина ответила вопросом на вопрос — побоялась, что Голец решил над ней подшутить.

Глава 10

— Посидеть с Марлином, тормошить его, чтобы он не заснул. Спускайся сюда!

— Хорошо, — согласилась Альбина. — Сейчас спущусь.

Уже на лестнице она окончательно проснулась и сообразила, что перезахоронение с огромной долей вероятности относятся не к семейным склепам аристократии, а радиоактивными отходам или затонувшему судну с ядерным реактором. Сейчас любые ядерные исследования в Империи были запрещены, институты, центры и старая техника были вывезены в отдельную колонию, Свалку. До запрета всякое бывало. Наверное, сейчас сюрпризы начали догонять.

Альбина добралась до беседки, села на лавку, впилась взглядом в Марлина, лениво отнимающего у Гвоздя желудь. Тот злился, но далеко не уходил — прятал желудь в сумку, спрыгивал с лавки, ронял, подбирал и запрыгивал обратно. Марлин действовал левой рукой — правую поддерживал бандаж.

— Расскажите, где были? — после взаимных приветствий спросила она.

— За чашку кофе я даже пару государственных секретов продам!

— Сварить? Я не особо-то хорошо умею, а кофеварки у Тимура нет.

— Лучше сходим через дорогу. Вот-вот откроется кафе. Можно посидеть там, можно взять кофе и вернуться сюда.

— Вы нормально себя чувствуете?

— Через дорогу и обратно дойду, — заверил Марлин. — Накачали лекарствами, теперь нельзя ложиться спать — нужен хотя бы час активности, иначе вылезет побочка.

— Что с рукой? — вставая, поинтересовалась Альбина.

— Распорол, за клемму зацепился.

— Сильно?

— Зашили, через пару дней заживет и забуду. Я же тельхин. У меня хорошая регенерация.

Беседа возобновилась, когда они уселись за столик с чашками кофе. Гвоздь и тут ничего не заказывал, но ему принесли три сырника с изюмом. Альбина решила, что ко второму кофе тоже купит сырники — уж очень аппетитно сумчатая скотина ими чавкала.

— Меня вызвали к давным-давно затонувшей атомной подводной лодке «Князь Потемкин», — сказал Марлин, шурясь от солнца и оглядывая улицу. — Там сейчас работают роботы. Питание, управление — по силовому кабелю. Случилась подвижка грунта, захлопнулся люк, раздавил одного робота, оборвало два кабеля. Повредился подводный обитаемый аппарат, в котором находились два исследователя. Руководство забило тревогу из-за угрозы жизни людей. Вызвали меня и Ската. Мы их вытащили, а потом, заодно, и кабели к роботам прицепили и люк убрали. Сразу два, нет, даже три добрых дела. Вот такие мы молодцы.

— Да, — согласилась Альбина. — Это очень важная работа. Скажите... это та подлодка неподалеку от Туапсе? Там все очень плохо?

— Не волнуйтесь, доктор, курорты Черноморского побережья выстоят, — усмехнулся Марлин. — А если серьезно... конечно, угроза есть. Ученые пытаются решить проблему. Главное, чтобы там из реактора ничего не протекло прямо сейчас, пока я на контракте. Потому что в случае опасности всех действующих пловцов отправят на дно. Собирать радиоактивные отходы, собирать обломки. Возможно, я после этого протяну несколько лет. Но это будут безрадостные годы. Поэтому я желаю удачи земным ученым и благополучия Черному морю.

Альбина хотела сказать, что прекрасно понимает такую позицию, но беседе помешал негромко запищавший телефон Марлина.

— Извините, доктор. Да, слушаю тебя. Ну... заснул, значит заснул. Я, по-твоему, что должен сделать? Ты ближе, тебе и действовать.

Звонившая заговорила — громко, неразборчиво, с нотками истерического визга.

— Полина... — Марлин потер шею, слегка отстранил телефон от уха. — Не надо на меня все это выливать. Я вас не сватал. Звони своим знакомым, жалуйся. Меня оставь в покое, я сам только что с того же вызова. Без тебя проблем хватает.

— Еще кофе? — спросила Альбина, глядя на меркнувший экран телефона. — Я буду брать сырники, на вас заказать?

— Да. Кофе, сырники и спать до вечера.

— Отключите телефон, а то испортят вам спать.

— Отключу. Вроде бы, все уже отметились.

Марлин погладил Гвоздя, свернувшегося клубком на стуле. Тот встрепенулся, и, словно получив разрешение, перебрался к нему на колени — бурча и грохоча пластиковой мебелью. Альбина ушла к стойке, а когда вернулась, обнаружила, что парочка успела дружно задремать: Марлин подвинул стул к стене и надежно прислонился спиной, а Гвоздь развалился, пристроив голову ему на живот и свесив хвост почти до асфальта. Пришлось осторожно взять Марлина за здоровую руку повыше браслета и потрясти. Тот приоткрыл глаза и сонно спросил:

— Скажите, доктор, а какая нелегкая заставила вас отправиться на Медиум? В итоге-то выхлоп вышел хороший, не спорю. Но ведь ничего не предвещало, не так ли? Неужели родители выставили вас прочь из дома, выгнали с Земли, не подумав, что девушке не место в колонии, где ведутся боевые действия? Большинство землян отработывает по контракту или распределению, и сбегает домой или в уютную Александрию. А вы? Вы же не янтарнорожденная, как я понимаю. Нет следов от тестовых браслетов, а они остаются на всю жизнь — как метка, что вам не смогли подобрать подходящий янтарь, или магия вас покинула. Вы — обычная человеческая женщина. Почему Медиум? Можно было бы мелких грызунов или птичек в Александрии изучать. Нормальная работа для ксенобиолога.

Альбина огляделась — соседние столики были пусты, из стен уши, вроде бы, не торчали. Ответила:

— Я не янтарнорожденная, вы правы. Ни один тест не выявил у меня даже намек на магические способности. Ни один инклюз не отозвался. Зато у меня врожденная устойчивость к ментальному воздействию. Как у моей тетушки, Анастасии Шереметьевой. Не матери Тимура, а ее старшей сестры. Моя матушка — самая младшая. И если моя матушка и матушка Тимура выбрали замужество и жизнь на Земле — вы же знаете, что отец Тимура из посольских, у него особняк в столице — то Анастасия, ксенобиолог, во всех имперских колониях побывала, в ваш Налисс наезжала, рыбу для коллекций вылавливала, и на Медиуме экспедиции проводила, и даже на Свалке. Я ее кипучей энергией всегда восхищалась. Завидовала — надо же, сколько всего она видела! Мне на Земле было неинтересно. Я хотела куда-нибудь. Александрия скучна и хорошо исследована, ни Пшер, ни Реммиар, ни Налисс мне не предлагали, поэтому я пошла на риск и выбрала Медиум. Еле-еле отбилась от погон, меня отправили как гражданского специалиста. Свободы было побольше, чем у военных, и я пустилась в приключения.

— Расскажите вечером? А то сейчас я плохо соображаю. Но заметил, что вы заплатили за мои сырники. С меня пироги в буфете, доктор.

— Договорились, — сдерживая радостную улыбку, сказала Альбина. — А вы расскажете мне пару историй из жизни подводных диверсантов. Вдруг я когда-нибудь соберусь написать детектив или боевик? А у меня ни одного сюжета.

— Я только для фильмов ужасов могу рассказать, — фыркнул Марлин и попытался переложить Гвоздя на свободный стул. Гвоздь возмутился. Произошла короткая ссора, после которой сумчатый гордо удалился во двор, пересекая дорогу, а Марлин получил возможность спокойно позавтракать.

Миссию, возложенную на нее Гольцом, Альбина выполнила на «отлично» — прежде чем уйти спать, Марлину пришлось звонить в исследовательский центр и просить пустить посто-

роннюю на территорию. Гвоздь стащил бумажник подполковника Трубецкого, оставленный на сиденье машины — сам Трубецкой отошел на три шага, чтобы поставить сумку в открытый багажник — и сбежал, затерявшись среди кустов.

Альбину впустили без улыбок, со сдерживаемым недовольством. Основной претензией было то, что на поиски пришел не пловец, а гражданское лицо.

— Вот туда идите! — охранник махнул в сторону одноэтажных зданий, прячущихся среди ярко-оранжевых деревьев. — Возле МРТ-кабинета пожарный щит, он там часто в контейнер с песком забирается.

Альбина пошла по дорожке, оглядываясь по сторонам. Рискнула, сфотографировал статую тельхина — весло не вошло в кадр, зато поросшая мхом чешуя на хвосте запечатлелась в прекрасном качестве. Подобрала и рассовала по карманам пару желудей и сосновую шишку — видимо, заразилась мешочничеством от Гвоздя. По пути ей встретились двое медиков в нежно-бирюзовой спецодежде и один пациент, юноша в теплой пижаме и мягких тапочках. Альбина поняла, что слишком бесцеремонно смотрит на юношу, устыдилась и прибавила шаг, заметив откинутую крышку пожарного контейнера.

Гвоздь старательно закапывал бумажник в песок. Видимо, рассчитывал, что из контейнера прорастет денежное дерево, увешанное банковскими карточками и купюрами. Альбина пресекла садоводческие развлечения, ухватив Гвоздя за шиворот. Она ожидала, что сумчатый начнет визжать и брыкаться, но тот избрал тактику тряпки: повис, оттягивая руку к земле, сложил лапы на животе и зажмурился. Альбина добежала до забора, разделяющего территории, просунула бумажник между прутьев решетки, возвращая подполковнику Трубецкому, и понесла Гвоздя домой в обход, через пропускной пункт, приговаривая:

— Прицеплю поводок и привяжу. Будешь сидеть как в тюрьме. На прогулку по часам. И никаких игрушечных птичек. Не заслужил.

Угрозу она выполнила только в отношении птички, да еще дверь на лоджию заперла, чтобы Гвоздь не побежал к Марлину и не помешал спать. Сумчатый воруга ограничительных мер не заметил, поел, попил и ушел в свой домик — отдыхать после трудов несправедливых. Альбина налила себе стакан сока и уселась работать. В обед она услышала крики у ворот, доносившиеся через приоткрытое окно на кухне. Обзор закрывало дерево — Альбина не удержалась, выглянула — а по воплям ничего понять было невозможно: Голец демонстрировал богатство ненормативной лексики, а цензурными словами брезговал, даже предлоги почти не употреблял. Разочарованная Альбина съела бутерброд и вернулась к работе — хотела к вечеру закончить план полугодия. В пять часов телефон взорвался бравурным звонком. Альбина посмотрела на незнакомый номер, занесла палец над экраном, чтобы сбросить вызов — наверняка очередное рекламное информирование. А потом помиловала — от скуки.

— Доктор Скловская? — спросил мужской голос — явно не робот.

— Слушаю вас.

— Говорит офицер Петров, двадцать седьмой городской полицейский участок. Вам удобно разговаривать, доктор?

Альбине показалось, что из нее выжимают ответ: «Да», и она на всякий случай повторила:

— Слушаю вас. Внимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.